

ях. Из этих фактов можно сделать несколько выводов. Скорее всего, в начале XX в. российское (в особенности провинциальное) общество было еще довольно замкнутым и болезненно реагировало на любые формы организации иностранцев на своей территории, аналогично вели себя и иностранцы, в данном случае китайцы. Из-за отсутствия достоверной информации от обеих участвующих сторон, нормальной межкультурной коммуникации не происходило, дело сразу заканчивалось арестами и нежеланием разобраться в сути явления. К нормальным межнациональным и межкультурным контактам не были готовы ни китайцы, ни россияне.

Примечания

¹ Петров А.И. История китайцев в России 1856–1917 годы. Санкт-Петербург, 2003. Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003; Лукян А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.

² Петров А.И. Указ. соч. С. 351.

³ Соловьев Ф.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Ларин А.Г. Указ. соч. С. 57–60.

⁶ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 5. Д. 151: Обязательные постановления пермского губернатора об условиях работы китайских, корейских, персидских рабочих на промышленных предприятиях, рапорты уездных исправников, списки китайских рабочих, переписки о них (10 сентября 1915); Д. 152: Сообщение пермского губернатора в департамент полиции, рапорты уездных исправников, протоколы дознаний и переписка о нарушении обязательных постановлений губернатора китайскими рабочими, находящимися на каменноугольных копях в Кизеловском горном округе (3 сент. — 14 марта 1916); Д. 154: Сообщения пермского губернатора в департамент полиции, рапорты соликамского уездного исправника и переписка с прокурором Пермского окружного суда о волнениях китайских рабочих на Половинских копях (10 ноября 1915 — 7 декабря 1916); Д. 167: Переписка департамента полиции с екатеринбургским полицмейстером о забастовке китайских рабочих на Белорецком заводе, о нарушении обязательных постановлений губернатора (14 февраля 1916 — 19 февраля 1917).

⁷ Тяняев А.Л. Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны, Свердловск 1931. С. 26–27.

⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19.

¹¹ Там же.

¹² ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 152. Л. 12.

¹³ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 167. Л. 25.

¹⁴ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 48.

¹⁵ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 54.

¹⁷ ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1. Л. 224.

¹⁸ ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 26.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 109.

²¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 109.

²² Поскольку при первой же проверке удалось обнаружить факты существования сразу двух таких общин, не исключено, что любая другая проверка также могла бы обнаружить тайные организации.

*Е.Ю. Лебедеко
(Екатеринбург)*

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МещАН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Торгово-предпринимательская деятельность горожан Пермской губернии в до-реформенный период не раз находилась в центре внимания исследователей. Наиболее изученными являются занятия купечества, которому принадлежали доминирую-

щие позиции в данной сфере предпринимательства¹. В данной статье хотелось бы рассмотреть торговую деятельность другого городского сословия — мещан, чья доля в городском населении Пермской губернии была весьма высока, составляя к середине 30-х гг. XIX в. 46,7 %².

Законодательством основными занятиями мещан назывались промыслы и торговля в городах. В лавках они могли «иметь для продажи» мелочные и другие товары, лишь бы их торговые обороты не превышали купеческие (купца 3-й гильдии). Вместе с тем «внутренняя закупка товаров» разрешалась мещанам без ограничений, также как и торг во время ярмарки.

Проанализировав маклерские книги городов Урала за первую половину XIX в. (около 200 учтенных торговых сделок преимущественно за 1800–1830-е гг.), С.И. Сметанин пришел к выводу, что мещане, наряду с крестьянами, в начале столетия составляли низший слой торговцев, служивший своеобразной базой для более крупной оптовой торговли. Они преимущественно продавали товары (сало, зерно, кожи и др.), закупая их в ближайших селениях для последующей продажи оптовым торговцам. Треть мещан, участвовавших в сделках, находилась в определенной зависимости от крупных купцов: или продавала собственную продукцию скупщикам, или сбывала товары купцам своего города, или действовала по доверенности. В то же время две трети мещан выступали в качестве независимых торговцев, совершая сделки объемом до 3–5 тыс. руб.³

Мелочным торгом «пропитывалась» значительная часть мещан губернии. Ревизовавший в 1809 г. Пермскую губернию сенатор отмечал, что «некоторые мещане торгуют в городах перекупаемыми у купцов товарами, разными мелочными и съестными припасами»⁴. Даже если в начале исследуемого периода такой источник дохода отсутствовал у жителей некоторых малых городов, то к середине XIX в. торговля предметами первой необходимости получила развитие и там.

Летом 1816 г., по сведениям местного горнодичего, в Оханске купцов и мещан, производящих торговлю, не имелось. В середине XIX в. здесь производилась крайне ограниченная торговля лишь предметами, необходимыми для удовлетворения обыденных потребностей местных обывателей. Лавок в городе было всего 7, другие торговые заведения отсутствовали⁵.

Мещанский сотник города Осы сообщал, что в 1816 г. кроме одного мещанина и одной мещанской «оженки», торгующих не имеется; да и те «занимаются мелочными торгами на незначительную сумму»⁶. В середине XIX в. в Осе производилась торговля преимущественно лесными изделиями, как то: лубьями, мочалами, рогожами и кульями. Закупался такой товар местными торговцами на базарах в самом городе и в уезде у государственных и удельных крестьян, а перепродавали его на Нижегородской ярмарке и в разных местностях по рекам Каме и Волге. Кроме того, существовала торговля «разного рода хлебом»⁷.

Камышловские мещане в начале века довольствовались хлебопашеством и мелочной торговлей, что позволяло жить «просто и роскоши не иметь»⁸. К середине XIX в. местные торговцы занимались преимущественно скупкой хлеба в Камышловском уезде и Тобольской губернии. Сбыт хлеба производился почти исключительно в горные заводы «Уральского хребта». Торговля предметами иного рода была «весьма незначительна и ограничивалась удовлетворением лишь местных потребностей»⁹.

В крупных городах торговые обороты мещан могли быть сопоставимы с купеческими. Особенно это касается периода, когда купечество переживает кризис — 1810-х гг. Летом 1816 г. смотритель неуказных торгов Перми представил в градскую думу регистр купцов и мещан, занимавшихся в 1814–1816 гг. торговлей, «купечеству присвоенной» (на сумму более тысячи рублей). По списку оказалось, что такого рода деятельностью занималось 15 пермских мещан. Еще у 23 мещан и мещанских вдов, производивших торговлю, масштабы торговых операций не были охарактеризованы¹⁰. Согласно рапорту Пермской градской думы, в 1820 г. по городу числилось 15 мещан, торговавших в Гостином дворе разными бумажными товарами и «прочим», обороты которых достигали более тысячи рублей. Указом от 20 марта 1820 г. Пермское губернское правление потребовало запретить мещанам торговать в Гостином дворе («и производить торговлю, купечеству предоставленную») с тем, чтобы они перешли в купечество¹¹.

В начале XIX в. «главнейшее упражнение» чердынского мещанства составляли торговля и судоходство¹². Они могли выступать комиссионерами купца, а иногда и наоборот. В первые годы XIX в. существовало много крупных предпринимателей из числа чердынских мещан. С сокращением численности местного купечества доля торгующих мещан увеличивалась. В дальнейшем, к середине века, численность последних постепенно сокращалась. В 1820 г. 32 чердынца-мещанина «осуществляли торг хлебом и поставки на судах», другие торговали «хлебом, рыбою и занимались судоходством». Торговля хлебом и рыбой «на своих судах» была традиционным видом деятельности чердынских купцов. В конце 1830-х гг. подобную крупную торговлю вели только 6–7 мещан. Видимо, крупные торговые мещане 1820-х гг. — преимущественно бывшие купцы¹³. Те из чердынцев, кто не имел собственного капитала, торговал в городе перекупаемыми у оптовиков товарами и разными мелочами¹⁴.

Мещане Екатеринбурга были тесно связаны с торговлей¹⁵. Объясняя причину расстройств в своих делах в начале века, они указывали, что понесли убытки «по неудачным торговым оборотам» и «от понижения товаров цену»¹⁶.

Непосредственно в данной сфере в первой половине 1810-х гг. было занято 226 из 466 мещан-домовладельцев, или примерно 44,2 %¹⁷. В середине 1820-х гг. этот показатель изменился незначительно и составил 43,6 % (223 из 511). Однако, поскольку данные источников не охватывают «мещанство» города в целом, можно предположить, что приведенные цифры не вполне точны¹⁸. При введении в действие Постановления 14 ноября 1824 г. в класс «торгующих мещан» по городу пожелало вступить 129 чел. (102 мещанина и 27 мещанок)¹⁹.

Ассортимент товаров, продаваемых местными мещанами, был достаточно широк: всевозможные хлебные и съестные припасы, а также кожевенные и металлические изделия²⁰. В отчете местной думы 1830 г. отмечалось, что мещане занимались в основном мелочной лавочной торговлей «разными фруктами, съестными припасами и хлебом»²¹.

Доля мещан, занимавшихся торговлей в Кунгуре, с течением времени постепенно уменьшалась. Если в конце XVIII в. они составляла 12 % (от всего мещанства), то к 1834 г. — всего 5 %²². Значительная часть кунгурских купцов и мещан в конце XVIII в. отъезжала для торговли на сельские торжки и ближайшие заводы. Они продавали крестьянам и заводским жителям «шелковые российские, всякие мелочные

товары и шитую обувь», приобретая хлеб, различные припасы и «рукоделия»²³. Впоследствии их оттеснили граждане из других городов. Ю.Р. Клокман отмечал, что с конца XVIII в. значение Кунгура как транзитно-перевалочного пункта на пути движения товаров с Урала и Сибири в Европейскую Россию снизилось. Данный факт объяснялся переходом Кунгура на положение уездного города²⁴. В основном кунгурские мещане осуществляла лавочный торг в городе и торг «при рынке».

В Шадринске, наоборот, число торговавших мещан к середине XIX в. значительно увеличилось — причиной их отлучки из города являлись главным образом «торговые дела»²⁵.

В Ирбите доля мещан, задействованных в торговле, также менялась. Если в середине 1790-х гг. они составляли 32 %, то в середине 1820-х гг. — 10,2 %. Снижение доли торгующих мещан в Ирбите в 1824–1826 гг. было связано с тем, что дополнительное постановление от 14 ноября 1824 г. требовало приобретения свидетельств. Торг во время ярмарки по-прежнему оставался свободным. Некоторые ирбитчане специально заготавливали «довольное» количество съестных припасов для продажи во время ярмарки «с великой прибылью»²⁶.

К 1820-м гг. ассортимент товаров, продаваемых ирбитскими мещанами, уменьшился. К середине века (1850 г.) они производили торговлю в основном съестными припасами (хлебом, салом, маслом и другим). Некоторые с товарами «отъезжали» в города Камышлов, Шадринск, Тюмень, Туринск, Алапаевск и в близлежащие села²⁷.

В Красноуфимске в 1825–1827 гг. торгом «пропитывались» около 5,7 % мещан (13 семей). Торговали в основном съестными и харчевыми припасами, а также мелочным товаром. Одна семья совмещала продажу съестных припасов с кожевенными товарами, другая торговала кожами, салом и обувью. Просто «торг» также указан в качестве средства дохода еще одной семьи. Товар красноуфимцы обычно продавали жителям города и, «во время бывающих в городе съездов» 9 мая и 6 декабря, — уездным крестьянам. О «незначительности» здешней торговли говорит и официальная статистика середины 1830-х гг. Конкуренцию местным торговцам составляли пермские, кунгурские и екатеринбургские купцы, а также торгующие крестьяне Иргинского и Саранинского заводов²⁸.

Торговля мещан в губернском городе Перми была незначительна. Современники отмечали ее «небольшой» характер²⁹. В начале века пермякам приходилось совмещать продажу мелочного товара летом с рыбной ловлей. К 1861 г. в Перми доля лиц, занимающихся торговлей и ремеслом, выросла, составив около 24,1 % от общего числа членов местного мещанского общества³⁰.

Незначительные торговые обороты мещан Верхотурья были обусловлены как «отдаленностью города от большой дороги», так и конкуренцией со стороны жителей Невьянского и Нижнетагильского заводов³¹. Некоторые из них «промышляли» торгом «фазными припасами» на рудниках и в заводских селениях. Например, мещанин Иван Степанов Пастухов в 1810–1820-е гг. продавал товары «из собственного дому лавки в торговом ряду Верхотурье» и «временно ездил в города Соликамск и уезд оного с носителем количеством свежей рыбы, в Казань с кедровыми орехами, в завод Богословский с разными жизненными припасами и товарами, присвоенными быгу мещанскому»³². Торговлей «кормились» и далматовские мещане³³.

Таким образом, можно сделать вывод, что мещанство губернии принимало участие в торговле. Наиболее активно занимались данным видом деятельности шадринцы, екатеринбуржцы, пермяки. В большинстве уездных городов мещане составили ядро мелкого и среднего торгового предпринимательства, ориентируясь на достаточно узкий городской рынок.

Примечания

- ¹ См., напр.: Битоков А.Г. Купечество Южного Зауралья в конце XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... к.и.н. Курган, 1999.
- ² Подсчитано по: Свод городских отчетов по Пермской губернии // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839. Отд. 3. С. 42–43.
- ³ Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг. // Исторические зап. Т. 102. М., 1978. С. 160–161.
- ⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 36. Оп. 1. Д. 27. Л. 20.
- ⁵ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. Ч. 1. СПб., 1863. Отд. XXVIII. Пермская губерния. С. 24.
- ⁶ ГАПК. Ф. 22. Оп. 1. Д. 132. Л. 29.
- ⁷ Экономическое состояние городских поселений Европейской России. Ч. 1. С. 21.
- ⁸ ГАПК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 85 об.
- ⁹ Экономическое состояние городских поселений Европейской России. Ч. 1. С. 13.
- ¹⁰ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об. — 19.
- ¹¹ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 169. Л. 9–9 об.
- ¹² Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству в 3 ч. СПб., 1813. Ч. 3. С. 187.
- ¹³ Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры... С. 161–162.
- ¹⁴ Попов Н.С. Указ. соч. Ч. 3. С. 190.
- ¹⁵ Там же. С. 264.
- ¹⁶ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 106. Оп. 1. Д. 169. Л. 59, 652.
- ¹⁷ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 458.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 567.
- ¹⁹ Период с 1 января по 1 августа 1825 г. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 584.
- ²⁰ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 132. Л. 30.
- ²¹ Корепанов Н.С. В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 139, 157.
- ²² Кунгурский городской архив (далее КГА). Ф. 557. Оп. 1. Д. 8. Л. 171–311 об. Данные 1834 г. см.: Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры... С. 167.
- ²³ Попов Н.С. Указ. соч. Ч. 3. С. 229; Черкасова А.С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 29.
- ²⁴ Клюкман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города второй половины XVIII века. М., 1967. С. 296.
- ²⁵ Экономическое состояние городских поселений Европейской России... Ч. 1. С. 35.
- ²⁶ Попов Н.С. Указ. соч. Ч. 3. С. 300.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 664. Оп. 1. Д. 6. Л. 72.
- ²⁸ Лебеденко Е.Ю. Мещане г. Красноуфимска в конце XVIII — первой трети XIX вв. // Урал индустриальный. Бакунинские чт.: Материалы VIII Всерос. науч. конф. Т. 1. Екатеринбург, 2007. С. 169.
- ²⁹ По мнению П.И. Мельникова, торговля Перми в конце 1840-х гг. находилась «в незавидном положении». См.: Мельников П.И. Дорожные записки (на пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Мельников П.И. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 569.
- ³⁰ ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 415. Л. 10.
- ³¹ Попов Н.С. Указ. соч. Ч. 3. С. 316.
- ³² ГАСО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 120. Л. 81 об. — 82, 90, 113, 127 об.
- ³³ Попов Н.С. Указ. соч. Ч. 3. С. 319.

⁵ Рассчитано по: Архив Магнитогорского бюро ЗАГС: Книга учета архивного фонда книг о рождении; Книга учета архивного фонда книг о смерти.

⁶ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 29.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 46; Магнитогорский краеведческий музей. Ф. 5243/1.

¹¹ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 109.

¹² МГА. Ф. 12. Д. 11. Л. 2.

¹³ Воспоминания А.И. Чесноковой, записанные Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹⁴ Загребин С.С. Повседневность как историческая реальность: 1930-е годы на Южном Урале и культурное строительство // Архивное дело в Челябинской области. 1997. № 11. С. 84.

¹⁵ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливые детство» // Социальная история: Ежегодн. 1997. М., 1998. С. 166.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Яворская Е.К. Памятный год // Сб. воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. Л. 9.

С.А. Нефедов
(Екатеринбург)

ПРОБЛЕМА ВЕЛИКОЙ СМУТЫ: КРИЗИС В ПЕРИОД РОСТА

Причины катастрофы, произошедшей в России в начале XVII в., до сих пор вызывают дискуссии среди историков. В советской историографии господствовала концепция Б.Д. Грекова–В.И. Корещкого, которая объясняла кризис тем, что «с ростом потребностей господствующего класса» в XVI в. началось «широкое наступление феодалов» на крестьян; оно сопровождалось развитием барщинной системы хозяйства, ростом государственных налогов и частновладельческих повинностей. Крестьяне отвечали на это наступление классово-борьбой, вылившейся в Крестьянскую войну начала XVII в.¹ Однако эта концепция встретила возражения со стороны ряда исследователей; по мнению А.Л. Шапиро, в России (в отличие от большинства восточноевропейских стран) рост барщины не был основным фактором процесса закрепощения². Еще один диссонанс в общепринятую схему был внесен работами Г.Е. Абрамовича, В.М. Воробьева и А.Я. Дегтярева, которые показывали, что в 1580-х гг. наблюдалось не увеличение, а уменьшению платимых крестьянами государственных налогов³.

Смена власти в 1991 г. способствовала еще большей противоречивости суждений. Р.Г. Скрынников выступил с критикой взглядов В.И. Корещкого, назвав Крестьянскую войну начала XVII в. «историографическим мифом»⁴. В работах Р.Г. Скрынникова, А.Л. Станиславского, Ч. Даннинга и некоторых других авторов делается акцент на сложном, комплексном характере конфликта, на смену понятию «крестьянской войны» приходит концепция «гражданской войны»⁵. Вновь стала популярной концепция С.М. Соловьева, отрицавшая социальный характер Крестьянской войны. «Восставшие стремились истребить бояр и дворян, чтобы занять их место, — пишут А.Л. Юрганов и Л.А. Кацва. — Восставших вело стремление к обогащению»⁶. Новый учебник для вузов объясняет «великое разорение» политикой Ивана Грозного; это разорение вызвало побеги крестьян и, чтобы остановить их, царь ввел «заповедные лета», заложившие основу крепостного права⁷. Однако в этом вопросе так же нет единства мнений; С.Г. Скрынников считает, что причи-